

НОВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ

Государственная молодежная политика в России: философия преемственности и смены поколений

И. М. Ильинский, Вал. А. Луков
(Московский гуманитарный университет)*

Раскрываются концептуальные положения, определившие базовые идеи и управленческие решения в области государственной молодежной политики в России. Показана роль, которую сыграл Научно-исследовательский центр ВКШ в становлении государственной молодежной политики (исследования молодежных проблем, разработка законопроекта «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР», 1987–1991 гг.).

Ключевые слова: молодежь, государственная молодежная политика, преемственность, смена поколений, законодательство о молодежи в России.

State Youth Policy in Russia: the Philosophy of Continuity and Digenesis

I. M. Ilinskiy, Val. A. Lukov
(Moscow University for the Humanities)

Abstract: Conceptual theses that determined the base ideas and management solutions in the sphere of state youth policy in Russia are exposed. The role of the re-search-and-development center of the Higher Komsomol School in the formation of the state youth policy (researches on youth problems, elaboration of a draft of the bill «On General Principles of State Youth Policy in the USSR», 1987–1991).

Keywords: youth, state youth policy, continuity, digenesis, legislation on youth in Russia.

В сентябре 2008 г. Президент России Д. А. Медведев подписал Указ «О проведении в Российской Федерации Года молодежи» в 2009 г. В комментариях говорится, что Год молодежи призван способствовать созданию и

реализации проектов по поддержке молодого поколения всей России, а также привлечению внимания органов власти, бизнеса, СМИ и всей общественности к этой важной теме. Начинается, таким образом, новый виток в

* Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета, президент Национального союза негосударственных вузов, президент Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области, академик Российской академии естественных наук, Российской академии словесности. Тел./факс (495) 374-78-78. Эл. адрес: iilinskiy@mosgu.ru. Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 08-03-12-118в).

Луков Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, проректор Московского гуманитарного университета по научной и издательской работе — директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заслуженный деятель науки РФ, академик Международной академии наук. Тел./факс (495) 374-73-06. Эл. адрес: v-lukov@list.ru. Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 06-06-00069а).

развитии государственной молодежной политики (мы в дальнейшем будем сокращать термин «государственная молодежная политика», используя аббревиатуру ГМП, которая давно применяется и в практике работы государственных органов, и в научных трудах), имеющей в постсоветское время, скорее, печальную, чем славную историю, поскольку на перемене эпох власти было не до молодежи, исключая разве что голосование молодого электората на очередных выборах.

Эта тема не раз обсуждалась в органах власти, но без серьезных последствий. Ее концептуальный уровень осмысливался в научном сообществе, и одна из наиболее основательных дискуссий развернулась в Русском интеллектуальном клубе, который в октябре 2006 г. провел специальное заседание по теме «Борьба за молодежь: новые стратегии, новые тактики».

В 2008 г. вновь после многочисленных ликвидаций и перестроек укреплена структура федеральной исполнительной власти, реализующая задачи в области ГМП, — образовано Министерство спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации. Вновь оживляется работа по созданию концепций и законопроектов в этой сфере. Немалый интерес, в частности, вызвало обсуждение на заседании XII Всемирного Русского Народного Собора в феврале 2008 г. проекта Доктрины «Молодое поколение России» (Молодое поколение России : Проект Доктрины, 2008).

Эти признаки активизации взаимоотношений государства и молодежи дают основание вновь осмыслить опыт, который был накоплен в период подготовки и принятия Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» — правового акта, оказавшего решающее влияние на становление целого направления государственной деятельности как в России, так и в странах — бывших советских республиках. Его особая судьба, полная драматических событий, сама по себе интересна (Ильинский, 2001). Но сейчас не менее важно осмысление того, что вкладывалось в идею государственной молодежной политики на

исходе 1980-х годов — в период больших ожиданий и больших разочарований.

Московский гуманитарный университет опубликовал два тома документов и материалов о становлении и развитии ГМП в России, процессах в молодежном движении, социальных проблемах молодежи (Закон о молодежи, 2008). После многих лет забвения, а нередко грубого искажения действительной истории взаимоотношений государства и молодежи, общества и молодежи публикация документов, сохранившихся в государственных архивах или только в архивах организаций и частных лиц, проливает свет на трудную и упорную работу органов власти, с одной стороны, и специфически действовавших в советское время и в начале постсоветского периода структур гражданского общества, включая и сообщества ученых, с другой, — работу по формированию управленческих механизмов социального развития юношества, передачи эстафеты от поколения к поколению. Публикуемые документы и материалы существенно дополняют, а по сути, впервые делают доступными основные источники для исследований в области истории ГМП и молодежного движения в России конца 1960-х — начала 1990-х годов. Они, без сомнения, окажут помощь тем, кто сегодня разрабатывает программы и проекты в области ГМП, готовит для этих целей проекты документов концептуального характера. Во всяком случае, меньше будет невежества в группах молодых радикалов, заявляющих, что их концепции ГМП — самые прогрессивные, самые смелые, самые первые, а их обсуждение — «поистине всенародное» (такие заявления звучат сплошь и рядом).

За формулировками законопроектов в сфере ГМП, войной мнений при их обсуждении и другими следами уже давних событий нельзя не видеть тектонических смещений в естественноисторическом процессе преемственности и смены поколений. XX век для России стал временем таких социальных и политических потрясений, которые породили и не могли не породить разрыв поколений, нарушение их связи, а значит, превращение един-

ства общества, народа в иллюзию, желаемую, но недостижимую цель. Это век трех революций — *революции 1917 г.* (Февраль и Октябрь — лишь две фазы великого отказа от российского прошлого, шаг в неизвестность), *революции первых сталинских пятилеток*, перемоловшей народ в жерновах индустриализации и коллективизации, наконец, *революции горбачевской перестройки*, перешедшей в ельцинский разгром СССР.

Обычно принято о революции говорить как о перерыве постепенности, но уникальный опыт России показал, что революция может быть *перманентной*: целый век она развивалась как *единый целостный процесс*, сметающий всякую постепенность, подрывающий саму идею устойчивости.

Если учесть колоссальный внешний удар по нашему народу, нанесенный в годы Великой Отечественной войны фашистским нашествием, то можно утверждать: преемственность поколений россиян в XX веке испытала *четыре глобальные катастрофы*. Катастрофы такого масштаба, такой силы, что их раны на теле народа не будут залечены многие десятилетия, возможно, до конца века нынешнего. Это и есть исторический фон тех или иных действий в области государственной молодежной политики, а по сути — ее главный результат. Лидеры страны — Ленин, Сталин, Хрущев, Горбачев, Ельцин — ставили крупные цели, продавливали их принятие в качестве общенародных, в итоге давали мощный импульс для *смены* поколений, но не были озабочены *преемственностью* поколений, совершенно не понимали последствий своих действий для целостности народа и поддержания его жизнеспособности.

В советский период становления молодежной политики победили две позиции, без осознания которых невозможно писать научную историю ГМП. Одна связана с особенностями положения государства в политической системе, другая — с пониманием роли молодежи в советском обществе.

Первая позиция соответствует главной особенности советской политической системы: *ее ядром было не государство, а правящая,*

притом единственная политическая партия. Исторически сложившаяся в СССР однопартийная система осмыслялась и политиками, и учеными-обществоведами не как ущербность политической жизни советского общества, а как ее безусловное преимущество: курс партии не мог быть оспорен другой политической силой, он закреплялся всей системой «приводных ремней» к массам, среди которых были и государство, и профсоюзы, и комсомол.

С точки зрения молодежной политики это означало, что ее линия всецело определялась партией, ее директивами, ее лидерами. Не случайно на протяжении десятилетий основным программным документом молодежной политики оставалась речь В. И. Ленина на III съезде РКСМ (1920). Произнесенная в конкретный исторический момент (Гражданская война), она изучалась многими поколениями руководителей страны, организаторами работы с молодежью, рядовыми комсомольцами как документ вне времени и пространства, как прямое указание, что и почему надо делать. Речь Ленина глубока идеями, ряд из которых, возможно, ждет ренессанс в стремительно меняющихся общественных условиях, но характерным для советской политической системы было само то, что концепция политического лидера, не поддерживавшаяся некоторыми ведущими деятелями партии того времени, действовала десятилетиями *напрямую*, без закрепления в формах права. Государственная молодежная политика советского времени — лишь бледное отражение партийных установок.

Собственно, она так никогда и не называлась, о государственной молодежной политике писалось лишь в связи с зарубежным опытом и обычно в критическом или по крайней мере в скептическом тоне. Сам язык права, на котором говорит государство с гражданами, в условиях диктата одной партии возникает и становится языком партийных постановлений.

Это хорошо видно на примере первых двух законопроектов о молодежи, разрабатывавшихся в советскую эпоху — в 1967 и 1977 г.

(Закон о молодежи, 2008, Т. 1). Эти проекты сегодня не удовлетворили бы никого, кто связан с законодательством, ни по формулировке предлагаемых правовых норм, ни по применяемым правовым понятиям, ни по степени соответствия сложившимся отраслям права. Но такого рода критика к этим текстам оправдана с позиций нынешней правовой системы. Для своего времени, когда регулирующая роль права отодвигалась на второй план его воспитательной функцией, когда партийная фразеология в области социальных отношений была и неоспоримой, и привычной, декларативность «законов о молодежи» не казалась пороком.

Например, формула из законопроекта 1977 г. «Стремление молодых советских граждан, каждого юноши и каждой девушки к физическому совершенству должно стать нормой жизни» с юридической точки зрения более чем сомнительна, зато она полностью соответствует и общему духу, и языку партийных и комсомольских постановлений. Не случайный законопроект 1967 г. остался невостребованным: его с успехом заменило известное постановление ЦК КПСС «О 50-летию ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодежи» (1968 г.) — в иерархии источников права советского времени даже более значимое, чем закон, если он был бы принят.

Сегодня мы не должны цепляться к форме документов тех лет и проявлять благородное возмущение трескучестью тех или иных фраз. В конце концов, это всего лишь слова — знаки своей эпохи. Документы того времени нередко следует читать между строк. И тем не менее в законопроектах советской эпохи сохраняется основополагающая позиция, идущая от молодежной политики КПСС, — та, которую мы связали выше с *пониманием роли молодежи в советском обществе*.

Хотя в документах КПСС и комсомола декларировались цели развития личности молодого человека, всестороннего раскрытия творческого потенциала молодежи, в действительности на всех этапах советской истории к молодежи относились как к *средству* достижения целей, которые, по сути, находились вне ее, —

общенародных, общегосударственных, общественных¹. В периоды «советских революций», когда активно работали лифты социальной мобильности и молодежь имела немалые возможности карьерного роста, была незаметной однобокостью в оценке роли молодежи, всячески выделяющей ее вклад в коммунистическое строительство и игнорирующей значимость личных целей и ценностей. Но как только подступала желаемая для общества стабильность, не могли не останавливаться социальные лифты и не могла не возрасти социальная напряженность между молодым и старшим поколениями. Идея всемерного превосходства общественного над личным в духовном настрое общества в такие периоды тускнела, а в молодежной среде нередко порождала протест.

Партия, а вслед за ней и комсомол, и все другие звенья политической системы продолжали стоять на своем, закрывая бреши в неумелой организации дела, по сути энтузиазмом, присущим молодости. В общественном сознании позиция о приоритете общественного, коллективного над личным, частным также возобладала в результате огромной работы по идеологизации образования, науки, искусства, всей жизни простого советского человека (роль андеграунда и инакомыслия была невелика, сколько бы сегодня ни говорили о судьбоносности для нынешней России анти-советского диссидентства). Лишь на отдалении от времен СССР начинает осмысляться значение *баланса индивидуального и общественного*, который обеспечивается не принятием законов и постановлений, не научными разработками, а *искусством управления*.

С учетом этого следует заново понять, что произошло в отношениях государства и молодежи в период, когда готовился третий законопроект о молодежи. Но с самого начала и содержание закона, и организация работы над ним резко отличались от того, как это было в период работы над проектами 1967 и 1977 г. Те два проекта инициировались ЦК ВЛКСМ и в конце концов умерли в столах инструкторов ЦК КПСС, как нередко бывало с другими инициативами комсомола. Спустя

десятилетия становится ясно, что дело здесь вовсе не в том, что тексты были слишком декларативными и юридически неотработанными, а Закон о молодежи не вписывался в систему отраслей права. Законопроекты 1967 и 1977 г. вполне были в духе своего времени с точки зрения права, в их подготовке участвовали опытные юристы вместе с комсомольскими работниками и учеными-молодежниками. Так что дело не в юридической технике, а в *последствиях* принятия Закона о молодежи, не осознававшихся тогда инициаторами и разработчиками, по крайней мере большинством из них.

Последствием же принятого закона должно было бы неминуемо стать перераспределение функций управления обществом, закрепившихся в политической системе СССР: вместо системы, основанной на руководящей роли КПСС в советском обществе, которая «приводными ремнями» напрямую, без посредников, связана с народом через управляемые ею институты государства и общественные организации, возникла бы система, где в отношении целого возрастного слоя общества действует принцип руководства правовой нормой, а не указанием партии.

Функции государства, таким образом, расширяются и наполняются новым содержанием, функции партии, а вместе с ней и комсомола по решению молодежных проблем сворачиваются, причем в такой сфере деятельности, которая связана с обеспечением стержневых условий для социального становления молодых людей: образование, труд, жилье, здоровье и т. д. Эти изменения, будь они приняты в 1960–1970-е годы, могли привести к постепенной трансформации задач и механизмов поддержки молодежи в период жизненного старта. Зная сегодня, каким путем пошла история страны, можно утверждать: если бы Закон о молодежи был принят в 1967 или в 1977 г. на базе подготовленных проектов – даже таких идеологизированных и декларативных, то советская власть могла бы остаться живой.

Третий законопроект возник и готовился в совершенно другой политической, экономи-

ческой, идеологической ситуации. Это годы перестройки, поначалу породившие в народе большие надежды и сопровождавшиеся взрывом энергии масс, инициативой и жаждой новаторства во всех слоях общества. В сфере исследований проблем молодежи ветер перемен принес обновление не только тематики, но и направленности научных проектов. Выдвижение идеи государственной молодежной политики и закрепляющего ее принципы и механизмы закона стало поворотным пунктом в этом процессе и предопределило на последующие два десятилетия магистральный путь российской науки о молодежи.

Документы, публикации, хроника событий свидетельствуют: выдвижение идеи государственной молодежной политики применительно к условиям нашей страны и первое изложение ее принципиальных позиций принадлежит И. М. Ильинскому, который 29 октября 1986 г. выступил с программным докладом «Проблемы молодежи и молодежной политики в условиях перестройки» на научной сессии возглавляемого им Научно-исследовательского центра ВКШ при ЦК ВЛКСМ. В докладе, текст которого был вскоре опубликован (Ильинский, 1987а), впервые ставился вопрос о необходимости выработки «новой и более сильной молодежной политики государства». Под «молодежной политикой» в этом первом изложении ее концептуальных основ применительно к новой проблемной ситуации, сложившейся в стране в период перестройки, И. М. Ильинский понимает, во-первых, «систему идей и теоретических положений относительно места и роли молодого поколения в обществе», во-вторых, «практическую деятельность государства, общественных организаций и других социальных институтов по реализации этих идей и положений в целях формирования и развития молодежи, реализации ее творческих потенциалов в интересах общества». Достаточно сравнить предложенный директором НИЦ в 1986 г. подход к трактовке молодежной политики с формулой Закона СССР, принятого в 1991 г., как становится ясно, что концепция государственной молодежной политики, теоретически обоснованная И. М. Ильинским, а за-

тем развитая в последующих его работах и работах его коллег по НИЦ, получила признание в государстве и обществе.

Но сегодня, когда слова «молодежная политика» укрепились в практике государственной деятельности и стали правовым термином, не следует забывать, что до 1986 года они *никогда* не употреблялись применительно к условиям СССР. Утверждение и новой концепции, и даже самого термина было делом политической и идейной борьбы, а не просто теоретическими изысками и гипотезами. Каждая публикация с такого рода идеями рассматривалась чуть ли не как покушение на советский строй.

В преодолении цензурного запрета на обсуждение истинного положения молодежи в стране и государственных мер по изменению ситуации огромную роль сыграла публикация в главном теоретическом журнале КПСС «Коммунист» статьи И. М. Ильинского «Развитие социализма и молодежь» (Ильинский, 1987б). И хотя «перестройка» и «гласность» журналом пропагандировались как линия партии, публикация статьи, где вскрывались *социальные проблемы молодежи* и доказывалось, что их решение невозможно без масштабных государственных мер, составила для рядколлег большую проблему, решение далось нелегко.

Не следует также упрощать дело, считая, что НИЦ и его директор пользовались монополией, поскольку были в системе «заказчика» закона — ЦК ВЛКСМ. Во-первых, параллельно работали другие группы, в которые входили, среди прочих, известные исследователи-молодежники тех лет (В. Т. Лисовский, В. И. Чупров и др.). Иногда конкуренция концепций молодежной политики напоминала гладиаторские бои: Комитет Верховного Совета СССР по молодежной политике созывал группы разработчиков и устраивал их прямой диспут, наблюдая со стороны, кто же возьмет верх.

Во-вторых, отношения разработчиков законопроекта из НИЦ с ЦК ВЛКСМ были исключительно сложными. Руководство ЦК поначалу ухватило за инициативу дирек-

тора НИЦ, понимая, что в перестроечное время это шанс проявить себя представителем интересов молодежи в формах законотворчества. 31 августа 1987 г. состоялось заседание Бюро ЦК ВЛКСМ, которое обсудило вопрос «Об участии комсомольских организаций страны в подготовке Закона СССР о молодежи». Проект постановления Бюро был подготовлен И. М. Ильинским и принят без изменений. В соответствии с этим постановлением была образована комиссия ЦК ВЛКСМ по разработке и рассмотрению предложений в проект Закона СССР о молодежи (председатель — первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. И. Мироненко, заместитель председателя — директор НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ И. М. Ильинский). НИЦ получил поручение создать временный творческий молодежный коллектив (ВМТК) в количестве до 20 человек для разработки концепции, структуры и текста проекта Закона СССР о молодежи. Но довольно скоро ситуация изменилась, и хотя законопроект обсуждался на XX съезде и на пленумах ЦК ВЛКСМ, а секретари ЦК стали частыми гостями в НИЦ, в комсомольских верхах наметилось охлаждение к идее государственной молодежной политики. Тогда, в 1987–1991 гг., когда закон пробивал себе дорогу и шла ожесточенная борьба его сторонников и противников, трудно было увидеть за бесконечной чередой дискуссий суть этого охлаждения в руководстве комсомола.

Сегодня, два десятилетия спустя, становится ясным, что дело не в отдельных положениях предложенной комсомолу концепции, а в ее принципах: укреплением роли государства в решении проблем молодежи на задний план отодвигается организация, которая представляет партию в молодежной среде, и у этой организации, по сути, отбрасывается важнейшая ее функция — социальная. Если в законопроектах 1967 и 1977 г. такие последствия могли бы возникнуть лишь после длинной череды лет, то в законопроекте, который готовился в НИЦ, такое изменение молодежной политики прочитывалось совершенно ясно, причем комсомол становился

лишь одной из молодежных организаций, выражающих стремление молодежи к самореализации.

В конечном счете принятый Закон СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» закрепил именно этот переворот в отношениях государства и комсомола.

Но и это не все. Социальная функция комсомола не просто перераспределась в пользу государственных механизмов ее осуществления. То, что Законом СССР, принятом на основе законопроекта НИЦ, было установлено, что государственная молодежная политика имеет целью «создание социально-экономических, организационных, правовых условий и гарантий для социального становления и развития молодых граждан, их наиболее полной самореализации в интересах всего общества», означало, что государство перестает действовать в роли всеведущего и всесильного «отца» для молодежи и определяет свое место во взаимоотношениях с ней как тот социальный институт, который создает условия и гарантии (не все, а те, которые несут социально-экономический, организационный и правовой характер) для того, чтобы молодой человек нашел себя в обществе, смог в нем самореализоваться. Как? — это его выбор и его ответственность.

Нельзя не заметить, что уже в этом исходном пункте изменения концепции ГМП связаны с тем, как в обществе в целом решаются проблемы свободы, прав человека, социальной ответственности. Проект писался в то время, когда ветры перестройки всколыхнули общественное сознание, когда для миллионов людей стало важным, что и как принимается от их имени в виде закона. Путь к закреплению новой идеологии ГМП был сложен, поскольку новое понимание задач не могло не вступать в конфликт с устоями советского строя, хотя разработчики законопроекта не были диссидентами и не придерживались двойной морали: они искренне стремились изменить ситуацию в обществе без разрушения его основных социальных институтов, что отразилось в документах, которые публикуются без изъятия

мест, которые сегодня звучат «по-советски». Но даже такая позиция в то время воспринималась многими во властных структурах как безмерно смелая, недопустимо радикальная. Если бы с самого начала группой разработчиков законопроекта не были задействованы ведущие средства массовой информации, если бы они в ежедневном режиме не встречались в аудиториях (нередко многотысячных по числу участников) с молодежью, не выступали перед академиками, офицерами армии и КГБ, народными депутатами, комсомольскими работниками, ветеранами и в Москве, и по всей стране, то законопроект был бы похоронен на ранней стадии работы.

Новизна концепции государственной молодежной политики, выдвинутой И. М. Ильинским, показана в ряде книг и статей, в том числе и наших (Ильинский и др., 1999; Ильинский, 2001; Ильинский, 2005; Ильинский, 2006; Луков, Рожнов, 2006, Луков, 2007а; Луков, 2007б). В тексте законопроекта она реализовывалась с учетом ситуации и характера решаемой задачи: что-то выкристаллизовывалось, уточнялось, что-то терялось, поскольку надо было сохранить главное. Но за формулировками правовых норм сложно разглядеть *стратегический замысел* этой работы, а он был в том, чтобы *восстановить взаимодействие поколений*, в котором развились обширные кризисы, обозначился «разрыв поколений». Собственно, *сознательная, целенаправленная молодежная политика и есть способ регулирования межпоколенческих отношений, управления процессом преемственности поколений и, стало быть, развития общества*. И не только для перестроечного Советского Союза, не только для постперестроечной постсоветской России. Эта формула отражает смысл молодежной политики во все времена, во всех обществах. При общей сущности виды этой политики имеют разные цели и разное содержание, которые определяются *идеологией* этих обществ. Такой взгляд на молодежную политику и был реализован в законопроекте 1987–1991 гг., а кроме того, в целой серии нормативных правовых актов, проекты которых готовились в НИЦ.

Значение поворота в ГМП, сделанного в последний год существования СССР, не должно преуменьшаться: в основе любых политических шагов должна лежать ясная концепция, определяющая цели конкретных действий, делающая их осмысленными. В области ГМП такая концепция утвердилась благодаря работе над законопроектом 1987–1991 гг. Сразу после принятия закона резко активизировалась работа над соответствующими проектами в союзных и автономных республиках СССР, правовой статус которых позволял принимать нормативные правовые акты в форме законов. Уже 12 ноября 1991 г. был принят Закон Башкирской ССР «О государственной молодежной политике в Башкирской ССР». До конца года появились десятки законопроектов регионального уровня.

С распадом СССР в декабре 1991 г. история Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» как юридического акта завершилась: он не вошел в состав нормативных правовых актов Российской Федерации. Но это был финал закона только по форме, — его концепция, содержание, сформулированные правовые нормы продолжали оказывать решающее воздействие на весь процесс строительства правовых основ государственной молодежной политики по крайней мере до конца 1990-х годов.

В эти годы были приняты законы о государственной молодежной политике (в некоторых случаях — о молодежи, о молодежной политике, о региональной государственной молодежной политике и т. д.) в Чувашской Республике (1992 г.), Республике Бурятия (1992 г.), Республике Татарстан (1993 г.), Кабардино-Балкарской Республике (1993 г.), Республике Хакасия (1993 г.), Республике Тува (1993 г.), Московской области (1995 г.), Оренбургской области (1995 г.), Ставропольском крае (1996 г.), Республике Мордовия (1996 г.), Омской области (1996 г.), в Ханты-Мансийском автономном округе (1998 г.) и многих других.

Сегодня примерно в 50 субъектах Российской Федерации действуют такие нормативные правовые акты, хотя на федеральном уровне закона по-прежнему нет: на приня-

тый в 1999 г. Федеральный закон «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации» президент Ельцин наложил вето, которое депутаты Госдумы не смогли преодолеть. В ряде субъектов Российской Федерации в принятые законы о государственной молодежной политике впоследствии вносились изменения и дополнения (в частности, в Чувашии, Башкортостане, Татарстане, Московской области и др.) — иногда в сторону ослабления финансовых рычагов содействия социальному становлению молодежи. Этим законы выхолащивались и сохранялись главным образом фасад.

В целом приходится признать, что шаг за шагом задачи и планы ГМП в деятельности государства минимизировались, переводились на периферию социальной политики и политической жизни. Руководители правительства не понимали, зачем нужна какая-то политика в отношении молодежи. На федеральном уровне остались только некоторые символы — структуры, отвечающие за молодежь (уже не самостоятельные), президентская программа «Молодежь России», финансировавшаяся из расчета 2 рубля на молодого человека в год (в 2006 г. ее финансирование и вовсе отменено).

К молодежи политические силы обращаются главным образом перед очередными выборами, рассчитывая на дополнительные голоса. Новейшие решения об утверждении Стратегии ГМП и создании Министерства спорта, туризма и молодежной политики еще не могут оцениваться как успешные, поскольку прошло слишком мало времени после их принятия.

На этом негативном фоне законопроект, два десятилетия назад созданный в НИЦ и после большой дискуссии в обществе, проработки с народными депутатами, министерскими специалистами, учеными-правоведами, практиками обретший силу закона великой страны, продолжил свою жизнь: он стал прообразом нормативного обеспечения ГМП как в Российской Федерации и ее субъектах, так и в ряде зарубежных стран. И это не случайно, поскольку в момент принятия он был в

своей предметной области самым основательным, последовательным и конструктивным правовым актом такого уровня в мире. Такая оценка звучала не раз на международных форумах.

Важно подчеркнуть, что при разработке концепции ГМП и законопроекта глубоко осмысливался международный опыт. Но в нашем случае нет никаких оснований говорить о заимствовании зарубежных аналогов, пользовании подсказками иностранных консультантов, как это стало общей практикой управления страной в первое десятилетие после распада СССР.

* * *

Одной из задач предпринятого издания документов и материалов мы ставили информирование научной общественности, политических деятелей и практиков, работающих в органах власти и организациях, осуществляющих задачи молодежной политики, о том, как в действительности шел процесс становления концептуальных основ, правовых норм и механизмов, организационных структур государственной и общественной молодежной политики. Вклад НИЦ в разработку ключевых идей ГМП, создание законопроекта, ставшего законом, в утверждение новых государственных органов и учреждений, включая социальную службу для молодежи, наконец, в развертывание беспрецедентной дискуссии в обществе по вопросам права и в подготовку к серьезной политической деятельности и законотворчеству целой плеяды молодых депутатов, юристов, лидеров общественных организаций должен быть доступен новому поколению политиков и ученых без конъюнктурных изъятий и упрощений.

Особенно важно учитывать тот общественно-политический и экономический фон, на котором разворачивалась работа над «законом о молодежи». Нельзя не видеть, что НИЦ и другие участники этого процесса в течение четырех лет действовали в ситуации *социального пожара, революции, гражданской войны*. Время от времени это были не метафоры, — проливалась кровь, уничтожалось хоть и

скромное, но благополучие «застойного» времени, в сердцах поселялся страх за жизнь, ужас перед будущим. Молодежь в этот период выступала *детонатором* политических взрывов в регионах, провоцировала общество. Ее роль в дестабилизации СССР стала значительной, и этим тут же попытались воспользоваться силы, увидевшие для себя возможность исторического реванша, перехвата власти (как это бывает всегда в годы социальных переломов и смут). Именно поэтому многими в то время само намерение принять «закон о молодежи» воспринималось как попытка набросить уздечку на молодежь, удержать ее на поводке от радикализации.

Все это важно и для сегодняшних решений в области ГМП. Вновь стоит вопрос: куда движется наше общество, которое мы передаем молодежи? Горбачевская революция породила в середине 1980-х годов ожидание социального чуда.

Но и здесь дали о себе знать особенности всех революций, а именно утрата иллюзий и неизбежный откат назад. Попятные движения неминуемы, и революции ими не зачеркиваются, но совсем не все равно, какой длины шаг назад будет сделан. Революция 1991 г. зашла недопустимо далеко в противопоставлении новых целей тому, что укрепилось в обществе, что его цементирует. Вакханалия раздачи ответственности и правового беспредела, презрения ко всему советскому, скидывания с пьедесталов недавних кумиров (война с памятниками) — эти и другие зримые черты постсоветской России вновь затронули хрупкие механизмы передачи социального опыта от поколения к поколению: на место трудового героизма как особой ценности советского строя поднялись праздность и жажда легких денег, с потрясающим размахом было уничтожено уважение к труду. Этим мы вернулись в старую Россию, *в эпоху господства и рабства* (смыслы — те же, как их не называй).

Что ждет общество рабов? Ответ дает мировая и наша история — революция. Она в таком обществе становится желанной не только для отдельных сорвиголов, она вызывает в обществе, как зреют «гроздьба гнева».

Если такое происходит в среде молодежи, то стратегические цели государственной молодежной политики оказываются проваленными, даже когда объявлены привлекательные программы, которые правительство готово осуществить в интересах молодежи.

¹ Эта позиция была четко сформулирована в письме И. М. Ильинского в ЦК КПСС и предложениях НИЦ ВКШ по концепции готовившегося Пленума ЦК КПСС по проблемам молодежи, написанных в 1989 г. (Закон о молодежи, 2008. Т. 2).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Закон о молодежи (2008): Документы и материалы по истории становления государственной молодежной политики в России: в 2 т. / сост. и авт. вступ. ст. И. М. Ильинский, Вал. А. Луков. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та.
- Ильинский, И. М. (1987а) Проблемы молодежи и молодежной политики в условиях ускорения социально-экономического развития советского общества // Молодежь-86: сб. ст. / НИЦ ВКШ при ЦК ВАКСМ. М. С.18–34.
- Ильинский, И. М. (1987б) Развитие социализма и молодежь // Коммунист. № 6. С. 20–27.
- Ильинский, И. М. и др. (1999) Молодежь планеты: глобальная ситуация в 90-х годах, тенденции и перспективы. М.: Ин-т молодежи; Голос.
- Ильинский, И. М. (2001) Молодежь и молодежная политика. М.: Голос.
- Ильинский, И. М. (2005) Молодежь как будущее России в категориях войны // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 5–17.
- Ильинский, И. М. (2006) Образование. Молодежь. Человек: (статьи, интервью, выступления). М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та.
- Луков, Вал. А. (2007а) Молодежная политика и возможности ее гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 155–157.
- Луков, Вал. А. (2007б) И. М. Ильинский о молодежи и молодежной политике // Социально-гуманитарные знания. № 5. С. 158–172.
- Луков, Вал. А., Рожнов, О. А. (2006) Государственная молодежная политика и национальная безопасность // Безопасность Евразии. № 3 (25). С. 60–69.
- Молодое поколение России: Проект Доктрины (2008) / В. В. Аверьянов (рук.) и др. М.: Фонд «Русский предприниматель».